

Внешне рецензируемое издание оформлено хорошо. Все тома снабжены иллюстрациями, портретами, мемориальными фотоснимками и репродукциями с картин Коста Хетагурова. На переплете и титуле, выполненных художниками А. В. Джанаевым и Л. С. Эрманом, использован осетинский народный орнамент.

Издание Собрания сочинений великого осетинского поэта Коста Хетагурова — большой вклад в культурную сокровищницу народов Советского Союза.

Б. Калоев

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЕ РАБОТЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЭТНОГРАФА О. НАГОДИЛА¹

Победа народно-демократического строя в Чехословакии и ее вступление на путь социалистического строительства открыли небывалые перспективы для развития науки в стране.

Переживает период подъема и этнографическая наука в Чехословакии. Поворотным моментом в развитии этнографии Чехословакии была общереспубликанская конференция этнографов в январе 1949 года. Конференция указала на необходимость коренной перестройки этнографической работы в Чехословакии, на новые задачи, стоящие перед этнографами страны в эпоху строительства социализма, на недопустимость отношения к этнографии как к «науке для науки», оторванной от практических задач. Согласно решению конференции, этнография должна стать наукой партийной, основанной на принципах марксизма-ленинизма, она должна служить интересам народа, помогать строительству новой, социалистической культуры. Было указано на необходимость создания квалифицированных кадров этнографов-марксистов.

Залогом успешного развития этнографической науки в Чехословакии была признана необходимость теснейшего сотрудничества с этнографами СССР. Богатейший опыт советских этнографов должен помочь этнографам Чехословакии в решении стоящих перед ними задач.

Изучению советской этнографической школы и ее основных принципов посвящена вышедшая в 1950 году книга молодого чехословацкого этнографа Отакара Нагодилы — «Советская этнография и ее прогрессивная роль».

О. Нагодил окончил Ленинградский государственный университет. Он хорошо знаком с работами советских этнографов. Его книга носит обзорный характер, но для чехословацких этнографов она очень интересна и полезна, так как успехи советской этнографической науки замалчивались в Чехословакии не только в период буржуазной республики, но и в первые годы после второй мировой войны, и чехословацкая научная общественность очень мало с ними знакома.

В предисловии автор сам определяет задачу своей работы: «показать исторические корни современной прогрессивной советской этнографии, новейшие пути научного исследования в данной области, так же, как и борьбу советской этнографии против англо-американской методологии, стоящей полностью на службе империалистических поджигателей новой мировой войны» (стр. 7).

В первой главе своей книги О. Нагодил говорит о прогрессивных традициях русской этнографии в предреволюционное время, строго придерживаясь основных положений статьи проф. С. А. Токарева — «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку»². Он подчеркивает глубокую самостоятельность русской этнографической науки, ее заслуги в деле разработки проблем общей этнографии. Автор дает краткое описание развития русской этнографии, начиная с Киевской начальной летописи XII в. и кончая началом XX в., указывает на расцвет русской этнографии в XIX в. и на ее связь с прогрессивными течениями русской общественной мысли. Он дает краткую характеристику научной деятельности крупнейших представителей русской этнографической науки — Вениаминова, Н. Н. Миклухо-Маклая, Д. Н. Анучина, М. М. Ковалевского и др.

Переходя к характеристике советской школы в этнографии, О. Нагодил указывает на то, что она не является прямым продолжателем старой русской этнографии. Советская этнография качественно отличается от этнографии дореволюционной, ее основа — принципы марксизма-ленинизма.

¹ Otakar Nahodil, Sovětská národopis a jeho pokroková úloha, «Světovvěstí», 1950; его же, K otázce o prvobytném kultu medvěda a jeho přežitcích, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951; его же, Ideologické přenesení společenského zřízení do živočišného světa v náboženských představách a přežitích národnosti severní Eurasie, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951; его же, Vyvoj násorů klasičtí marxismu-leninismu na otázky dějin prvobytné společnosti, Zvláštní otisk z Národopisného věstníku československého, XXXII, č. 1—2, Praha, 1951.

² «Советская этнография», 1948, № 2.

Автор совершенно правильно отмечает, что «Великая Октябрьская революция была мощным импульсом для развития новой этнографии» (стр. 15). Практическое осуществление сталинской национальной политики потребовало добросовестной и организованной работы. Было уделено огромное внимание воспитанию новых кадров этнографов-марксистов. Этнографы помогали в деле социалистического переустройства экономики, быта и культуры народов СССР, стоявших на различных ступенях развития.

О. Нагодил останавливается на характеристике советской этнографии как науки, качественно отличной от буржуазной этнографии. Советская этнография — часть исторической науки. «Методология марксизма-ленинизма проявляется в историзме советской этнографии, т. е. в изучении предметов, событий и явлений в процессе их возникновения, развития и отмирания, в связи с конкретными историческими условиями, их породившими, в связи со способом производства материальных благ, развитием производительных сил и производственных отношений» (стр. 30).

Автор разбирает основные проблемы, которыми занимается советская этнография. В первую очередь, он называет проблему изучения первобытного общества. Он излагает взгляды Маркса и Энгельса на возникновение частной собственности, классов и государства, указывает на материалистические взгляды Моргана на первобытное общество. Советские этнографы, занимающиеся вопросами первобытно-общинного строя, пересмотрели некоторые положения Моргана и отвергли их, как устаревшие. Автор говорит о работах проф. М. О. Косвена, посвященных проблеме матриархата, и известного знатока народов севера А. А. Попова, опубликовавшего новый материал по истории первобытного общества в Сибири.

О. Нагодил подробно останавливается на проблеме изучения колхозной деревни советскими этнографами. Этнографические работы Г. С. Масловой, В. Н. Крупнянской, И. Ф. Симоненко, М. В. Сазоновой, Т. А. Жданко и других говорят об утверждении в колхозной деревне новой культуры национальной по форме и социалистической по содержанию.

Автор указывает на то, что опыт первых экспедиций показал необходимость глубокого знания экономики, так как без умения правильно пользоваться материалами колхозной экономики научная работа в области этнографического изучения колхозной деревни невозможна. Автору следовало сказать, что изучением колхозного крестьянства советские этнографы стали заниматься только в послевоенное время, и если с самого начала они пробовали изучать в колхозах все, начиная с колхозной экономики до личной жизни, развлечений и колхозного строительства, то теперь, после некоторого опыта работы, советские этнографы пытаются ограничить предмет своего исследования. Этнографы интересуют больше культурные, а не хозяйственные достижения колхозного крестьянства, все новое в быту и культуре, что связано с советским образом жизни. Это не значит, что вопросы колхозного производства совершенно не должны быть изучаемы, но колхозная экономика должна интересовать этнографа лишь постольку, поскольку она влияет на быт и культуру колхозников.

Третьей проблемой, занимающей советских этнографов, О. Нагодил называет проблему этногенеза и образования наций.

Необходимо было указать на огромное значение работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития советской этнографии. В частности, она поставила перед советскими учеными задачу критического пересмотра проблемы этногенеза. О. Нагодил же лишь в примечании говорит, что «И. В. Сталин помог изучению проблемы этногенеза в том смысле, что указал в своих гениальных замечаниях к дискуссии по языкознанию на ошибочные взгляды акад. Марра, чье схематическое понимание развития языка сильно повлияло на работы отдельных советских историков, археологов и этнографов, занимающихся вопросами этногенеза» (стр. 43).

Возможно, что О. Нагодил получил работу И. В. Сталина уже во время печатания своей книги и поэтому ограничился лишь подстрочной ссылкой. Но это не может служить оправданием. Следовало бы во всяком случае изъять изложение работ А. Д. Удальцова, в которых проблема происхождения народов решается с позиций Н. Я. Марра. В цитатах, приводимых О. Нагодилом, нашли свое отражение и теория скречивания, и теория взрывов, вульгаризаторскую сущность которых разоблачил товарищ Сталин в своей работе.

Целую главу своей книги О. Нагодил посвятил борьбе советской этнографии с реакционными буржуазными школами. Особое внимание автор уделяет разоблачению функциональной школы в этнографии, которую он правильно называет «продуктом кризиса империалистической колониальной системы» (стр. 51).

Повторяя основные выводы статьи И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе американского империализма», О. Нагодил дает подробную критическую характеристику взглядов основателя функциональной школы Бронислава Малиновского и холизма фельдмаршала Смэтса, как философской основы функционализма. Он делает вывод о том, что функционализм включает в себя все наиболее реакционные взгляды эпохи империализма, что основная цель функционализма — помочь колониальным властям удержать в повиновении поработанные народы, используя архаические институты первобытно-общинного строя. Функционализм служит узким классовым интересам империалистов.

Для этнографов Чехословакии очень важно правильное понимание реакционной

сущности функциональной школы, широко распространенной не только в странах Западной Европы, но и в самой Чехословакии.

О. Нагодил подробно останавливается на критике взглядов П. Богатырева, одного из основателей «функционально-структурной» школы в чехословацкой этнографии и фольклористике. П. Богатырев изучал не самый фольклор, а лишь его отдельные функции. Фольклор в его понимании — комплекс функций. Отдельные функции образуют структуру, которая находится в равновесии. Как и Б. Малиновский, П. Богатырев не признавал категории пережитков, отказывался от исторических обобщений, не признавал за фольклором значения исторического источника. О. Нагодил совершенно правильно указывает на тесную близость «функционально-структурального» метода П. Богатырева и британского «функционализма»: «никакой принципиальной разницы между англо-сакским «функционализмом» и «функционально-структуральным» методом П. Богатырева нет» (стр. 57).

Идеалистическая концепция П. Богатырева до сих пор еще пользуется влиянием среди некоторых чехословацких ученых. Критику «функционально-структурального» метода со стороны чехословацких этнографов-марксистов мы можем только приветствовать и всячески поддерживать.

Большое внимание О. Нагодил уделил вопросу борьбы советских этнографов с космополитизмом в американской этнографии. Излагая содержание работы И. И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии», О. Нагодил отмечает коренную противоположность космополитизма этнографии как науке. Задачей этнографического исследования является изучение национальной специфики народов, качественных особенностей каждой нации в отличие от других наций. Космополитизм же отрицает национальную специфику, пренебрегая национальными особенностями отдельных народов. Космополитизм современной американской этно-психологической школы является идеологическим обоснованием экспансионистских стремлений США.

О. Нагодил подчеркивает прогрессивную роль советской этнографии, «проявляющуюся не только в марксистско-ленинском методе исследования, но и в правильном понимании актуальных задач научной работы», во всесторонней помощи этнографам стран народных демократий в их борьбе против реакционных течений в этнографии. О. Нагодил приходит к заключению, что «советская этнография является наукой прогрессивной, гуманной, в полном смысле слова исторической... Работа советских этнографов — пример того, как должна выглядеть настоящая наука, служащая прогрессу своими теоретическими и практическими выводами» (стр. 60).

Особый интерес представляет последняя глава работы О. Нагодил, носящая более самостоятельный характер. Она посвящена задачам чехословацких этнографов в эпоху построения социализма.

Автор приводит обзор исторического развития чешской и словацкой этнографической науки. Он подробно останавливается на работах крупнейших чехословацких ученых — П. И. Шафарика, К. Эрбена, К. Кадлеца, Ч. Зиберта, Л. Нидерле и подчеркивает их положительную роль в развитии мировой этнографической науки. Автор указывает на кризис этнографической науки в годы буржуазной республики, когда «этнография стала политическим оружием в руках господствующего класса. Это проявилось в замазывании классовой борьбы в деревне, в так называемой теории «единой культуры» в деревне, главным носителем которой объявлялось кулачество» (стр. 70). Отвергнув славные традиции классического прошлого, чехословацкая этнография переродилась в эклектическую буржуазную науку, ориентировавшуюся на французскую социологическую школу.

Февральские события 1948 года открыли новые перспективы для развития этнографии в Чехословакии. Появилась первая группа прогрессивных этнографов молодого поколения, основавшая первый марксистский этнографический кружок при Пражском университете. Примером для этнографов нового поколения являлась советская этнографическая школа.

Автор отмечает решающую роль первой этнографической конференции 1949 г., которая закончилась победой нового, прогрессивного направления в чехословацкой этнографии, опирающегося на принципы марксизма-ленинизма.

Важнейшей задачей этнографов Чехословакии в данное время является пересмотр своей научной деятельности с точки зрения марксистского мировоззрения и воспитание новых кадров этнографов в духе марксизма-ленинизма.

Чехословацкие этнографы прежде всего будут изучать проблемы общего характера, исходя из основных положений марксизма-ленинизма; историю первобытного общества, этногенез народов; с новых позиций чехословацкие ученые будут изучать этнографию чехов, словаков и всех славянских народов. Новой задачей чехословацких этнографов является изучение социалистического развития деревни в Чехословакии, процесса изменения ее быта и культуры.

«Мы будем делать много ошибок, — говорит О. Нагодил в заключение, — и их будет вначале достаточно... Но мы будем руководствоваться теорией марксизма-ленинизма, которая является ключом к познанию и правильному пониманию явлений, подлежащих нашему изучению, а нашим примером будет этнографическая наука в СССР» (стр. 78).

Следует остановиться еще на ряде работ О. Нагодил, посвященных проблеме изучения первобытного общества.

В статье «Развитие взглядов классиков марксизма-ленинизма на вопросы истории

первобытного общества» (1951 г.) О. Нагодил знакомит читателя с высказываниями основателей марксизма, о первобытно-общинном строе. К сожалению, мы имели возможность познакомиться лишь с первой частью этой статьи, где автор излагает взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу, содержащиеся в работах — «Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Капитал».

В буржуазной литературе существовало мнение, что возникновением материалистического учения об истории первобытного общества мы обязаны лишь Моргану, «Древнее общество» которого, якобы, совершило «переворот» во взглядах Маркса и Энгельса по этому вопросу. О. Нагодил показывает, что в своих работах, написанных в 40—70-х годах, Маркс и Энгельс разработали свою концепцию первобытно-общинного строя еще задолго до выхода в свет работы Моргана.

Характер самостоятельного исследования несут статьи О. Нагодилы — «К вопросу о первобытном культе медведя и его пережитках» и «Идеологическое перенесение общественного строя в животный мир в религиозных представлениях и пережитках народов Северной Евразии», напечатанные в «Этнографическом чехословацком вестнике» в 1951 году.

В указанных работах автор впервые в чехословацкой этнографической литературе пытается с марксистских позиций решить вопрос о происхождении религии и ее первичных формах. Он подчеркивает, что религия является фантастическим отражением условий материальной жизни общества, что у первобытных людей она была порождением их практической беспомощности перед силами природы. Автор собрал очень большой и интересный материал, относящийся к культу медведя и его пережиткам у различных народов. На примере культа медведя он иллюстрирует мысль Энгельса¹ о том, что религия возникла «из самых темных представлений людей о своей собственной и о внешней природе».

Появление первых марксистских работ в Чехословакии свидетельствует о том, что чехословацкие этнографы стоят на правильном пути. Только глубокое усвоение принципов марксизма-ленинизма поможет им в разрешении стоящих перед ними задач.

Н. Грацианская

Р. Ангелова и А. Примовски, *Въпросник за проучване на задружните прояви в българската стопански бит* София. Българската академия на науките, 1951.

В 1948 г., согласно новому уставу Болгарской академии наук, в ее составе был организован Институт этнографии; существовавший до тех пор самостоятельно в Софии этнографический музей был также передан в ведение Академии наук.

Институт с момента создания провел ряд экспедиций в отдельные районы страны. Основными объектами изучения явились народное творчество, отдельные виды народного искусства, материальная культура. В результате проведенной работы в конце 1951 г. в помещении Академии наук была открыта выставка болгарского народного творчества, продемонстрировавшая многообразие и богатство искусства болгарского народа.

Перед болгарскими этнографами очевидной стала необходимость всестороннего изучения современной культуры и быта болгарского народа, вступившего под руководством народно-демократического правительства и Болгарской коммунистической партии на путь построения социализма. Не случайно поэтому первым коллективным трудом сотрудников Института этнографии и Этнографического музея явилась программа по изучению быта современного болгарского крестьянства.

В отличие от изданных в Болгарии за послевоенные годы программ по сбору этнографического материала, ориентированных в основном на изучение пережиточных явлений прошлого в быту болгарского народа (в результате чего в программе, вышедшей в 1946 г., нашло себе место изучение причин вражды между селами¹), рецензируемая работа ставит перед собой задачу помочь этнографу в изучении коллективных начал в хозяйственной жизни болгарского крестьянства.

Нужно признать совершенно правомерным, что изданная программа из огромного разнообразия явлений современной жизни болгарского села останавливает внимание полевого работника на одной из интереснейших черт жизни болгарского крестьянства — коллективизме в общественной и домашней жизни. Народные формы сотрудничества и взаимопомощи трудовой части болгарского крестьянства, находившие в прошлом выражение в обычаях взаимопомощи в повседневной трудовой жизни, в отправлении народных праздников и семейных торжеств, в новых условиях народно-демократического государства получают дальнейшее свое развитие.

В предпосланном программе кратком введении составители так определяют поставленную перед собой задачу: «Предлагаемый вопросник является попыткой охватить все коллективные действия в хозяйственном быту болгарского народа от древнейшего прошлого до наших дней — традиционные и новые формы добровольного и

¹ Х. Вакарелски, *Въпросник — упътване за събиране на етнографски материали*, София, 1946.